

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00023

МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Рыбаковский О.Л.^{1,2*}, Таюнова О.А.³

¹ Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
(117218, Москва, Нахимовский проспект, 32)

² Институт социально-политических исследований РАН
(119333, Москва, ул. Фотиевой, 6/1)

³ Самарский государственный экономический университет
(443090, Самара, ул. Советской Армии, 141)

*E-mail: 1246185@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается миграционная ситуация, сложившаяся на Дальнем Востоке России за 27 лет постсоветского периода. Показано, что все эти годы идёт неумолимый межрегиональный миграционный отток населения Дальнего Востока, слабо компенсируемый межгосударственным миграционным приростом, и усугубляемый естественной убылью. Различия в уровне и условиях жизни, развитости инфраструктуры регионов Дальнего Востока и старо-обжитой Европейской территории России, — не добавляют оптимизма в решении вопроса приостановки оттока населения из основной геополитической окраины страны, а также роста численности её населения опережающими темпами. С целью выявления внутрисоссийского миграционного потенциала роста численности населения Дальнего Востока раскрыты и систематизированы межрегиональные миграционные связи регионов Дальнего Востока в 2006–2017 годах. Выявлены регионы России, имеющие с Дальним Востоком наиболее тесные миграционные связи. Помимо тех регионов, в обмене с которыми Дальний Восток теряет население, обозначены территории, которые имеют с ним тесную миграционную связь и примерно равнозначный миграционный обмен населением. В них находится оперативный миграционный потенциал для увеличения притока российского населения на Дальний Восток. Раскрыта структура межрегиональной миграционной убыли Дальнего Востока, из которой 2/3 приходится всего на 5 субъектов Российской Федерации — Москву и Московскую область, Санкт-Петербург и Ленинградскую область, Краснодарский край. Приводится обоснование того, что без разворота социально-экономической политики с Запада на Восток задачу повторного заселения Дальнего Востока не решить. И одной лишь межгосударственной миграцией с этой задачей не справиться. В выводах приводятся предложения по улучшению ситуации.

Ключевые слова. Дальний Восток, Дальневосточный федеральный округ, миграционная ситуация, постоянная миграция, межрегиональная миграция, теснота межрегиональных миграционных связей, межгосударственная миграция, регионы России.

© Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. [текст], 2019

На начало 2019 г. Дальневосточный федеральный округ (ДФО) России включал собственно Дальний Восток — Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Амурскую, Магаданскую и Сахалинскую области, Еврейскую автономную область и Чукотский автономный округ, а также три региона, физико-географически относящиеся к Восточной Сибири, — республики Саха (Якутия) и Бурятия, Забайкальский край.

Собственно Дальний Восток России (в дальнейшем изложении — Дальний Восток, или ДВ) почти всегда, за исключением периода развала СССР и первых 20-ти постсоветских лет, был и остаётся объектом пристального внимания властей страны. Более того, вместе с Сибирью, Дальний Восток, обозначен Президентом РФ «приоритетной зоной развития для России в XXI веке»¹. В ноябре 2011 г. был создан Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона с целью поддержки инфраструктурных и промышленных проектов в этих макрорегионах. С 2012 г. начала проводиться активная деятельность по социально-экономическому развитию и повторному заселению Дальнего Востока, а также примыкающих к нему регионов Восточной Сибири. Образовано Министерство по развитию Дальнего Востока (с 26.02.2019 — Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики). С 2014 г. на Дальнем Востоке и в Сибири начала создаваться сеть специальных территорий опережающего социально-экономического развития (ТОРы, или ТОСЭРы). В сентябре 2012 г. Президентом РФ был подписан Указ, дополнявший уже действовавшую Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в котором были определены десять «территорий приоритетного заселения». К последним относится Дальний Восток кроме Чукотского автономного округа, плюс четыре региона Восточ-

ной Сибири — Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Иркутская область и Республика Бурятия. С 1 июня 2016 г. начал действовать «Закон о дальневосточном гектаре», позволяющий гражданам страны бесплатно получать земельные участки на территории Дальневосточного федерального округа. Приняты федеральные целевые программы, такие как «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016–2025 годы» и так далее. Очевидно, что ошутимые результаты подобной деятельности Правительства начнут сказываться не сразу, и сейчас создаются лишь предпосылки для возрождения Дальнего Востока, делаются как реальные, так и пробные шаги по улучшению ситуации.

Одной из основных, если не главной целью освоения Дальнего Востока, а также необходимой компонентой его социально-экономического развития, является устойчивый рост численности постоянного населения макрорегиона. Это означает не только прекращение оттока населения с Дальнего Востока и его естественной убыли, но и обеспечение устойчивого притока населения в него как из других регионов России, так и из-за рубежа. Росту численности постоянного населения опосредованно способствует приток временной миграции, трудовой, образовательной и т.п. Также необходим опережающий рост рождаемости всего населения макрорегиона — местных уроженцев и переселенцев. Улучшению демографической ситуации на Дальнем Востоке будет способствовать также рационализация размещения производительных сил и расселения.

В свете сказанного рассмотрим миграционную ситуацию на Дальнем Востоке и возможные внутренние резервы ее улучшения. С начала 1992 г., то есть с момента образования современной России, население Дальнего Востока неуклонно сокращалось (табл. 1).

¹ Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному Собранию 12.12.2013. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/press/announcements/19824>

Таблица 1

**Компоненты демографической динамики отдельных
макрорегионов России в 1992–2018 гг., млн. человек**

Table 1

Components of population dynamics in individual macro-regions of Russia in 1992–2018, million people

Макрорегионы	Постоянное население 01.01.1992	Постоянное население 01.01.2019	Общий прирост за 27 лет	Миграционный прирост за 27 лет*
Дальний Восток (ДВ)	6,9	5,2	-1,7	-1,3
Дальневосточный федеральный округ (ДФО)	10,4	8,2	-2,2	-2,0
Республики Бурятия, Саха (Якутия) и Забайкальский край (ДФО минус ДВ)	3,5	3	-0,5	-0,7
Европейский Север: Республика Коми, Архангельская область (включая Ненецкий АО), Мурманская область	3,9	2,7	-1,2	-1,0

* Миграционный прирост скорректирован с учётом переписей населения 2002 и 2010 годов.

Источник: Данные Росстата. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://gks.ru/>

В относительном выражении демографическая динамика была хуже лишь на Европейском Севере России (без Республики Карелия и Вологодской области). В сравнение с началом 1992 г. численность населения последнего сократилась к началу 2019 г. до 69%, в то время как население Дальнего Востока за тот же период сократилось лишь до 75%. Примерно 1/5 от общей убыли населения в обоих макрорегионах составила естественная убыль, 4/5 — миграционная убыль. Последняя шла преимущественно в другие регионы России. Миграционный прирост из-за рубежа за 25 лет (1993–2017 гг.) был незначительным. Он компенсировал межрегиональную миграционную убыль Дальнего Востока на 10%, Европейского Севера — всего на 5%. Основным фактором худшей миграционной ситуации на Европейском Севере была и остается его относительная близость к основным миграционным реципиентам России.

Три региона Восточной Сибири, входящие в ДФО (на начало 2019 г.), в целом усиливают негативность миграционной ситуации в макрорегионе, но смягчают его демографическую ситуацию. Увеличиваются абсолютные показатели общей и миграционной убыли, снижается итоговая интенсивность миграционного прироста

из-за рубежа и компенсация этим приростом межрегиональной миграционной убыли (в 1993–2017 гг. 8%). Но при этом темпы сокращения населения ДФО в сравнение с ДВ становятся более медленными. В сравнение с началом 1992 г. численность населения ДФО сократилась к началу 2019 г. до 79%. В отличие от ДВ, в прочей части ДФО в 1992–2018 гг. имел место (суммарно) естественный прирост населения (203 тыс. человек). Его обеспечили республики Бурятия и Саха (Якутия).

Любой последующий более детальный анализ миграционной ситуации на Дальнем Востоке и в ДФО, как, впрочем, и во всей стране наталкивается на некоторые трудности, преодоление которых возможно лишь переходом к относительным показателям с укрупнением периода анализа.

Период, по которому представлена официальная текущая статистика миграции населения в региональном разрезе, делится на две части — по 2010 г. и с 2011 года. В 1992–2010 гг. Росстатом после проведения двух переписей населения как минимум дважды откорректированы: численность постоянного населения на начало каждого года и, как следствие, общий прирост населения и итоговый (внешний для регионов) миграционный прирост.

Для того чтобы не делать более детальные пересчеты, которые в общем-то лишены смысла, итоговую скорректированную региональную информацию по миграции до 2011 г. Росстат просто убрал из своей базы данных [1]. Вследствие этого вся текущая миграционная информация до 2011 г., взятая из ежегодных отчетов Росстата, отличается итогами от актуальной расчетной откорректированной информации органов официальной статистики России.

О том, каковы масштабы этой корректировки, уже неоднократно писалось в научной литературе [2; 3; 4]. Напомним лишь, что итоговые для России поправки после двух переписей населения составили почти плюс 3 млн. человек. Для всех регионов абсолютные отклонения переписного учёта от текущего учета в сумме составили 9,5 млн. человек. Одни регионы добавили к текущему учету в сумме 6,5 млн. человек, другие потеряли в сумме 3,5 млн. человек. Все эти переписные поправки были списаны на внешнюю для регионов миграцию (без детализации) и разнесены примерно пропорционально на межпереписные периоды. К примеру, Московский регион (Москва и Московская область) по двум переписям населения добавил около трех миллионов человек. Дальний Восток, напротив, потерял около 400 тыс. человек (ДФО — свыше 500 тыс. человек). Три региона Европейского Севера потеряли около 300 тыс. человек. Казалось бы, по двум переписям были выявлены логичные поправки: в регионах — миграционных донорах населения недосчитали, и, наоборот, в регионах — миграционных реципиентах учли дополнительно как раз тех, кого недосчитали в донорах. Остается открытым лишь один вопрос — откуда появились дополнительные 3 млн. человек постоянного населения в масштабах всей страны?

Во втором периоде после 2010 г. — другая проблема. С 2011 г. в учёт постоянной миграции попадают временные иммигранты, зарегистрированные по месту пребывания более 9 месяцев. Ежегодный миграционный оборот постоянной миграции населения регионов РФ вырос

в 2011–2017 гг. сравнение с предшествующим десятилетием в 3 раза, миграционный прирост — в 2 раза (по данным текущего учета). При этом выросла волатильность и ненадежность сальдо межгосударственной миграции регионов. Достаточно привести один пример: сальдо межгосударственной миграции Санкт-Петербурга составляло в 2001–2010 гг. в среднем плюс 2,5 тыс. человек в год, в 2013 г. — плюс 37 тыс., в 2015 г. — минус 26 тыс., в 2017 г. — плюс 18 тыс. человек.

Вследствие данных обстоятельств затруднительно корректно увязывать любое незначительное улучшение миграционной ситуации на Дальнем Востоке (и в ДФО) после 2011 г. с проводимыми властью мероприятиями. При всех нововведениях и статистических манипуляциях, как и без них, миграционная ситуация в макрорегионе остаётся удручающей. Так, внешняя для регионов Дальнего Востока ежегодная миграционная убыль в 2011–2018 гг. составила 16 тыс. человек в год. В 2001–2010 гг. с учётом переписных корректировок Росстата она была равна 32 тыс. человек в год, то есть произошло позитивное для макрорегиона снижение убыли в два раза. Но без учёта переписных корректировок Росстата никакого снижения не было, так как по данным текущего учета в 2001–2010 гг. ежегодная миграционная убыль ДВ составляла 17 тыс. человек.

Аналогична ситуация и в ДФО — внешняя для регионов ежегодная миграционная убыль в 2011–2018 гг. была в среднем равна 33 тыс. человек. В 2001–2010 гг. с учётом переписных корректировок Росстата её уровень был 46 тыс. человек в год, то есть произошло позитивное снижение в 1,4 раза. Но по данным текущего учета в 2001–2010 гг. ежегодная миграционная убыль ДФО составляла 31 тыс. человек в год, то есть миграционная ситуация лучше не стала.

И всё это происходило в условиях введения нового порядка учета постоянных иммигрантов (2011 г.) и на фоне иммиграционного всплеска, вызванного, в том

числе, украинскими политическими событиями конца 2013—начала 2014 годов. Ежегодный миграционный прирост населения РФ в 2011–2018 гг. в сравнение с 2001–2010 гг. (по данным текущего учета) вырос почти в два раза, со 135 тыс. до 253 тыс. человек в год. Хотя с учётом переписных корректировок Росстата даже произошло его снижение с 298 тыс. человек в год.

Вследствие воздействия тех же факторов в новом десятилетии в сравнение с предшествующим наблюдается увеличение ежегодного межгосударственного миграционного прироста населения регионов ДВ и ДФО (такие данные имеются лишь в текущем учёте миграции и пока лишь по 2017 год). Ежегодный межгосударственный миграционный прирост населения регионов ДВ в 2011–2017 гг. в сравнение с 2001–2010 гг. вырос в 5 раз, с 2 тыс. до 10 тыс. человек в год. По регионам ДФО аналогичный рост составил почти 4 раза, с 3 тыс. до 11 тыс. человек в год.

При этом в текущем десятилетии в сравнение с предшествующим наблюдается увеличение ежегодной межрегиональной миграционной убыли населения регионов ДВ и ДФО (данные текущего учёта по 2017 год). Эта убыль в ДВ в 2011–2017 гг. в сравнение с 2001–2010 гг. выросла на $\frac{1}{3}$ с 19 тыс. до 25 тыс. человек в год. По регионам ДФО произошел аналогичный рост на $\frac{1}{3}$ с 34 тыс. до 44 тыс. человек в год. Межрегиональная миграционная убыль населения регионов ДВ и ДФО превышала межгосударственный миграционный прирост населения регионов ДВ и ДФО в 2001–2010 гг. в 10 и 13 раз соответственно, в 2011–2017 гг. — в 3 и 4 раза соответственно.

Эти видимые позитивные сдвиги происходят не только вследствие изменения порядка учета и украинского миграционного всплеска. Они происходят также вследствие сокращения объемов выбытий с ДВ и уменьшения его миграционного потенциала, то есть численности оставшегося населения, а также его частей — мобильного населения «неместного проис-

хождения», способного и имеющего возможность уехать, и населения «местного происхождения», мобильность которого вследствие избирательных региональных льгот сокращается [5].

Для выявления возможных внутренних для России резервов улучшения миграционной ситуации на Дальнем Востоке необходимо рассмотреть миграционные связи его регионов с другими территориями России и выявить среди них тесных миграционных партнеров. Такие регионы являются потенциальными миграционными донорами для Дальнего Востока. Если опережающими темпами поднимать уровень жизни населения ДВ, развивать его инфраструктуру, создавать предприятия с высокооплачиваемыми рабочими местами, то в макрорегион потянутся люди. И перестанут уезжать дальневосточники. Есть в России успешный пример развития, например, Тюменская область. Но ведь не только с нефтью и газом можно зарабатывать и жить достойно. Рядом за рубежом живут и процветают народы в странах Юго-Восточной Азии, и многие из них не имеют таких запасов полезных ископаемых, как даже отдельные регионы России.

Для выявления тесных миграционных партнеров регионов ДВ воспользуемся так называемыми коэффициентами тесноты межрегиональных миграционных связей (КТМС). В настоящее время в отечественной, да и в мировой науке предложено два вида таких показателей: коэффициенты интенсивности межрегиональных миграционных связей — КИМС [6] и миграционные индексы пространственные структуры — МИПС [7].

Методика их построения схожа: межрегиональные коэффициенты интенсивности миграций (выбытий, прибытий или оборота) по отдельным направлениям (например, между Амурской и Брянской областями) сравниваются в относительной форме, в первом случае — с итоговыми для регионов коэффициентами интенсивности аналогичных миграций. Во втором случае они сравниваются с те-

оретическими значениями межрегиональных коэффициентов интенсивности миграций. Последние рассчитываются по принципу: во всем массиве межрегиональных миграций не должно быть никаких предпочтений по интенсивности миграции с учетом различий итоговых индикаторов по регионам [7].

Оба вида КТМС дают примерно схожую картину миграционных предпочтений в межрегиональном обмене населением. Чем выше значение КТМС того или иного межрегионального направления, тем теснота миграционных связей между двумя регионами выше, и наоборот, чем коэффициенты ближе к нулю, тем миграционные связи слабее. Ориентиром для сравнения этих показателей может являться как итоговая по массиву величина, равная единице, так и медианное значение данного показателя по массиву, которое обычно в 1,5–2 раза ниже единицы.

Любые два зеркально симметричных межрегиональных направления, например, Амурская область—Брянская область и Брянская область—Амурская область, имеют примерно равные значения КТМС оборота. Между Амурской областью и Брянской областью он в 2006–2017 гг. был равен 0,56 раз, между Брянской и Амурской—0,55 раз. Поэтому, если такие значения между собой примерно равны, можно в интерпретации использовать не межрегиональные направления, а пары регионов.

В данной работе воспользуемся показателями МИПС, рассчитанными по миграционному обороту между 82-мя регионами России² суммарно за 12 лет с 2006 по 2017 год. В массиве из 82 регионов 6642 межрегиональных направления, или 3321 пара регионов. Восемь регионов Дальнего Востока входят в 648 межрегиональных направлений, или составляют 224 пары регионов, в том числе 56 межрегиональных направлений (28 пар)— между собой.

Во всем массиве межрегиональных ми-

грационных связей России максимальную тесноту со значениями МИПС от 40 до 7 раз регионы ДВ имеют между собой (первые 20 межрегиональных направлений, или 10 пар регионов). Это миграционные связи между парами: Хабаровский край с Еврейской автономной областью (40,0), с Амурской областью (16,2), с Приморским краем (14,9), с Сахалинской областью (11,4); Приморский край с Сахалинской областью (10,2), с Камчатским краем (9,4), с Амурской областью (8,6), с Еврейской автономной областью (7,3); Амурская область с Еврейской автономной областью (15,5). Магаданская область и Чукотский автономный округ имеют между собой максимальную для данных регионов тесноту миграционных связей со значением МИПС 10,0 раз. Это не удивительно— в недавнем прошлом они составляли единый регион, также как и Хабаровский край с Еврейской автономной областью.

За 12 лет (2006–2017 гг.) около 13% от всех межрегиональных выбытий из регионов ДВ шло в другие дальневосточные регионы. В миграционном обмене с прочими регионами России территории ДВ (кроме Чукотского автономного округа) были тесно связаны, прежде всего, с остальной частью ДФО. С Республикой Саха (Якутия) тесно связаны пять территорий, кроме Сахалинской и Камчатской области (МИПС 1,8–5,2); с Забайкальским краем— 6 территорий, кроме Камчатской области (МИПС 1,4–6,6). С Республикой Бурятия тесно связаны семь территорий макрорегиона (МИПС 1,3–1,9). С Восточно-Сибирскими регионами ДФО территории Дальнего Востока за рассматриваемый период имели незначительное положительное сальдо межрегиональной миграции (14 тыс. человек за 12 лет). С другими территориями России сальдо было либо отрицательным, либо близким к нулю.

Территориями России, с которыми наиболее тесно связаны регионы Дальнего Востока (помимо ДФО) и в которые шла межрегиональная убыль его населения можно разделить на три основных группы. Первая группа— южные равнинные ре-

² Российская Федерация в границах 2013 г.: Ненецкий автономный округ вместе с Архангельской областью, из Тюменской области выделено 3 региона— юг Тюменской области, Ханты-Мансийский автономный округ—Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ.

гионы Европейской России и Центрально-Чернозёмного экономического района, — Краснодарский край, Ростовская, Белгородская и Воронежская области. Вторая группа — столичные регионы и Калининградская область. Третья — Новосибирская область. Значения МИПС регионов ДВ с территориями первой и третьей группы находятся в диапазоне от 0,9 до 5,2 раз. Со столичными регионами МИПС ниже — 0,5–1,8 раз, так как они являются центрами миграционного притяжения для всей страны, и уровни данных показателей достаточны для того, чтобы считать миграционные связи если не тесными, то ощутимыми.

Абсолютные потери регионов ДВ в межрегиональном обмене населением в 2006–2017 гг. (по данным текущего учета) составили 263 тыс. человек. Из них в Краснодарский край — 58 тыс. человек, в город Москву и Московскую область — 60 тыс. человек, в город Санкт-Петербург и Ленинградскую область — 50 тыс. человек. В сумме это 168 тыс. человек или 2/3 от всех межрегиональных потерь ДВ. В Белгородскую область межрегиональная убыль ДВ составила 13 тыс. человек, Ростовскую и Калининградскую — по 9 тыс. человек, Новосибирскую — 8 тыс. человек, Воронежскую — 6 тыс. человек. Совокупно эти десять регионов приняли за 12 лет свыше 80% от межрегиональной миграционной убыли Дальнего Востока.

Прочие территории России, с которыми наиболее тесно связаны дальневосточные регионы, но межрегиональной обмен населением с которыми в целом равноценный (сальдо близко к нулю) — это сибирские Иркутская область, Омская область, Алтайский край, Республика Алтай, а также приволжская Чувашская Республика. Данные регионы при заметном (и опережающем их) улучшении социально-экономической ситуации на Дальнем Востоке (как и при аналогичном ухудшении ситуации в них) могут стать такими же миграционными донорами макрорегиона, как Восточно-Сибирские регионы ДФО.

Самые слабые миграционные связи

Дальний Восток имеет, во-первых, с регионами Европейского Севера, включая Республику Карелия и Вологодскую область (МИПС 0,03–0,19); во-вторых, с двумя автономиями Тюменской области (0,03–0,12); в-третьих, с республиками Северного Кавказа. Два исключения составляют следующие пары. Магаданская область — Республика Ингушетия (МИПС 3,5) — тесная связь образовалась и сохраняется со времен сталинских переселений народов Северного Кавказа. Редкий пример трансформации пенитенциарных переселений в экономически мотивированную миграцию. Приморский край — Мурманская область — связь умеренная (МИПС 0,4). Сказывается схожая основная «морская и портовая специализация». Связь не такая однонаправленная и тесная как Приморского края или Камчатской области с Калининградской областью, но имеет место.

Все прочие регионы России имеют с ДВ умеренную миграционную связь. Их место в векторах миграционных потоков России определяется близостью/удаленностью от Дальнего Востока либо от основных миграционных реципиентов страны. Так, регионы окружающие Московскую либо Ленинградскую области, также «участвуют в приеме» миграционной убыли населения Дальнего Востока, но не в таких масштабах, как сами столичные регионы. В этом есть особенность оттока населения с Дальнего Востока, так как для большинства других регионов страны переселение в столицы либо в окружающие их Московскую и Ленинградскую области «не по карману». И для переселения они выбирают окружающие, менее дорогие по проживанию, но близкие к крупнейшим мегаполисам области. Второй особенностью переселения с ДВ является тяга покидающего его населения к южным регионам России с более благоприятным климатом и, не считая Краснодарского края, достаточно недорогой стоимостью проживания.

Выводы. В ближайшее время кардинальное изменение миграционной ситуации на Дальнем Востоке (и в ДФО) вряд ли случится. До тех пор пока оттуда бу-

дет идти активная межрегиональная миграционная убыль населения, никакой межгосударственный прирост её не прекроек. Да это и не решение задачи повторного заселения Дальнего Востока. Его необходимо заселять, прежде всего, россиянами. А их ДВ как раз и теряет в значительно большем объеме, чем получает иммигрантов.

Основной внутрirosсийский миграционный потенциал пополнения численности населения Дальнего Востока находится в Южной и Восточной Сибири, а также в отдельных регионах Приволжья. В ближайшее время надеяться на то, что на Дальний Восток поедут из областей Европейской России, как это было в прошлом веке, можно, помимо прочего, в том случае, если прекратится пагубная практика расширения крупнейших мегаполисов России в ущерб населению остальной части страны.

Что касается иммиграционного потенциала, то в XIX–XX вв. Дальний Восток активно заселялся не только русскими и другими коренными народами России, но и украинцами и белорусами. Вследствие чего, по нашему мнению, те льготы, которые предоставляются на Дальнем Востоке соотечественникам, долж-

ны быть, во-первых, распространены на украинских переселенцев в Россию — им необходимо предлагать переселяться на Дальний Восток, включая при этом в «Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Во-вторых, льготы переселенцам на ДВ необходимо кардинально увеличить — получение переселенцами жилья (постоянного с правом выкупа, временного и т.п.) и механизмы его оплаты сделать реально выполнимой для них задачей, а не камнем преткновения.

Необходимо все программы по стимулированию рождаемости населения России регионально дифференцировать, выделить в них геополитически значимые регионы, в том числе Дальнего Востока, для которых в рамках этих программ должны будут действовать дополнительные федеральные льготы (как это было в СССР в самом начале 1980-х годов). Перенаселенные же регионы России необходимо, по нашему мнению, напротив, лишить части федеральных льгот, перенаправив высвобожденные средства в геополитически значимые регионы страны.

Литература и Интернет-источники

1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат): Центральная база статистических данных (ЦБСД) [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://cbds.gks.ru/>
2. **Чудиновских О. С.** Статистика приобретения гражданства как отражение особенностей миграционной политики России // Вопросы статистики.— 2018.— Т. 25.— № 9.— С. 3–26.
3. Миграционные процессы в России // Под ред. В. В. Локосова и Л. Л. Рыбаковского.— М: Экон-информ, 2014.— 383 с.
4. **Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А.** Реализация концепции демографической политики России в области постоянной миграции населения // Социологические исследования.— 2016.— № 6.— С. 34–41.
5. **Рыбаковский Л. Л., Савинков В. И., Кожевникова Н. И.** Демографическое развитие азиатской России в XX–XXI веках: оценка результатов // Социологические исследования.— 2018.— № 11.— С. 64–74.
6. **Рыбаковский Л. Л.** Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока. АН СССР. Сибирское отделение. Хабаровский комплексный НИИ.— Хабаровск, 1969.— 200 с.
7. **Рыбаковский О. Л.** Миграции населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа.— М: Экон-Информ, 2008.— 287 с.

Для цитирования:

Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века // Народонаселение.— 2019.— № 3.— С. 4–14. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00023

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19–011–00626.

Сведения об авторах:

Рыбаковский Олег Леонидович, доктор экономических наук, заведующий отделом демографии Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e- mail: 1246185@mail.ru

Таюнова Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент Самарского государственного экономического университета, Самара, Россия.

Контактная информация: e- mail: tayunova_olga@mail.ru

DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00023

MIGRATION SITUATION IN THE FAR EAST OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Oleg L. Rybakovsky^{1,2*}, Olga A. Tayunova³

¹ Institute of Socio-Economic Studies of Population, Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)

² Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences
(6/1 Fotievoy st., Moscow, Russian Federation, 119333)

³ Samara State Economic University
(141 Soviet Army st., Samara, Russian Federation, 443090)

*E-mail: 1246185@mail.ru

Abstract. The article discusses the migration situation in the Far East of Russia for 27 years the post-Soviet period. It is shown that during all these years there have been unforgiving interregional migration outflows of population from the Far East, poorly reimbursed by interstate migration growth and exacerbated by natural decline. Differences in the standard and conditions of living, in the development of infrastructure of the Far East regions and the old-inhabited European Russia do not add optimism on the issue of restraining migration outflows from the main geopolitical borderland and outstripping growth rate of its population. To estimate the intra-Russian migration capacity of the Far East population growth, the authors disclose and systematize the interregional migration connections of the Far East regions in 2006–2017. There are identified the Russian regions having the closest migratory connections with the Far East. In addition to those regions, in an exchange with which the Far East loses population, there are identified the areas having close migratory connections and roughly equivalent migration population exchange. They have the operational migration potential for increasing the flows of Russian population to the Far East. The article shows the structure of interregional migration losses of the Far East, from which 2/3 falls to 5 RF subjects — Moscow, Moscow oblast, Saint-Petersburg, Leningrad oblast and Krasnodar region. It provides the rationale for that without the economic and social policy reversal from West to East the task of re-colonization of the Far East cannot be solved. And interstate migration alone would not be up to the task. The conclusion contains suggestions for improving the situation.

Keywords. Far East, Far East Federal District, migration situation, permanent migration, interregional migration, tightness of interregional migration connections, interstate migration, regions of Russia.

References and Internet sources

1. Federalnaja sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat): Centralnaja baza statisticheskikh dannyh (elektronnyj resurs) [Federal State Statistics Service (Rosstat). Central statistical database]. Available at: <http://cbsd.gks.ru/> (in Russ.)
2. Chudinovskikh O.S. Statistika priobretenija grazhdanstva kak otrazhenie osobennostej migracionnoj politiki Rossii [Statistics on the acquisition of citizenship as a reflection of the characteristics of migration policy in Russia]. Voprosy statistiki. [Statistical Issues] Vol. 25. No. 9. 2018. P. 3–26. (in Russ.).
3. Migracionnye processy v Rossii [Migration Processes in Russia]. Eds. V. V. Lokosov and L. L. Rybakovsky. Moscow. Econ-inform. 2014. 383 p. (in Russ.)
4. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Realizacija koncepcii demograficheskoj politiki Rossii v oblasti postojannoj migracii naselenija [Implementation of the concept of demographic policy in Russia in the field of permanent migration]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2016. No. 6 P. 34–41. (in Russ.).
5. Rybakovsky L. L., Savinkov V. I., Kozhevnikova N. I. Demograficheskoe razvitie aziatskoj Rossii v XX–XXI vekah: ocenka rezultatov [Demographic development of Asian Russia in the 20–21st centuries: an assessment of results]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2018. № 11. P. 64–74. (in Russ.)
6. Rybakovsky L. L. Problemy formirovanija narodonaselenija Dalnego Vostoka [Problems of the Formation of the Far East Population]. AN SSSR. Sibirskoe otdelenie. Habarovskij kompleksnyj NII [USSR Academy of Sciences. Siberian Branch. Khabarovsk Integrated Research Institute Khabarovsk. 1969. 200 p. (in Russ.)
7. Rybakovsky O. L. Migracii naselenija mezhdru regionami: problemy metodologii i metodiki analiza [Migration Between Regions: The Issues of Methodology and Analysis Techniques]. Moscow. Econ-inform. 2008. 287 p. (in Russ.)

For citation:

Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Migration situation in the Far East of Russia at the beginning of the 21st century. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. No 3. P. 4-14. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00023 (in Russ.)

Funding:

The study was performed with the financial support of RFBR, project No. 19–011–00626.

Information about the authors:

Rybakovsky Oleg Leonidovich, Dr. Sc. (Econ.), Head of Department, Institute of Socio-Economic Studies of Population, RAS; Chief researcher, Institute of Socio-Political Research. RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: 1246185@mail.ru

Tayunova Olga Alexandrovna, Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Samara State Economic University, Samara, Russia.
Contact information: e-mail: tayunova_olga@mail.ru